

ТРИ ВЕКА МАРИ ФРАНСУА АРУЭ

Независимая газ. — 1994 — 22 ноября — с. 7.

Предводитель умов и современного мнения

Владимир Березин

Exegi monumentum

РОДИВШИЙСЯ в семье парижского нотариуса, он изменил имя и именно под ним — частый случай — вошел в историю.

Вольтер, так звучало это имя, принадлежал как бы к трем векам одновременно — был рожден в веке семнадцатом, жил в восемнадцатом, а общественные потрясения, связанные с его именем, не утихли и в начале века девятнадцатого.

Семнадцатый век был веком величественным, но еще и временем накаливавшегося напряжения. Восемнадцатый — о котором Энгельс с удовлетворением отметил, что «мыслящий рассудок стал единственным мерилом всего сущего» — веком Вольтера. Девятнадцатый — всегда помнил о философе.

Его крылатые фразы, иногда лишенные имени создателя, живут и поныне.

Лафарг — кстати, цитируемый Лениным — писал в 1900 году: «В начале XIX века буржуазия, покончив дело революционного разрушения, принялась отрицать свою вольтерьянскую философию. Опять вошел в моду католицизм, который Шатобриан размалевывал (peinturlurait) романтическими красками...»

Слово «разрушение» встречается и у Герцена — «Смех Вольтера разрушил больше плача Руссо».

Имена Герцена, Вольтера, революция и церковь примерно в это же время, что и у Лафарга, соединились под пером Розанова: «Через 1900 лет после Христа, из проповедейков слова Его (священники) — все же на десять — один порядочный, и на сто — один очень порядочный. Все же через 1900 лет попадаются изумительные. Тогда как через 50 лет после Герцена, который был тщеславен, честолюбив и вообще с недостатками, нет ни одной такой же (как Герцен), т.е. довольно несовершенной фигуры. Это — Революция, то — Церковь. Как же не сказать, что она вечнее, устойчивее, а следовательно, и внутренне ценнее Революции. Что из двух врагов, стоящих друг против друга, — Церкви и Революции — Церковь идеальнее и возвышеннее».

Что будет с Герценом через 1900 лет? — с Вольтером и Руссо, родителями Революции. <...>

Между тем священник, поднимая Евангелие над народом, истово говорит возгласы, с чувством необыкновенной реальности, «как бы живое еще». А диакон громкогласно речет «Вонмем». Диакон «речет» с такой силой, что стекла в окнах дрожат: как Вольтер — в Фернее, а вовсе — не как Вольтер в 1840 году, когда его ели мыши. И приходит мысль о всей Революции, о «всех их», что они суть съедь мышей...

И отчего же диакон так речет, а Вольтер так угас? И при жизни, в его живых устах, слово не было особенно ценным. Скажите сразу, не думав, что сказал Вольтер дорогого человеку на все дни жизни в истории его? Не придумаете, не бросится в ум. А Христос:

«Блаженны изгнанные правды ради». Не просто «они хорошо делают», или «нужно любить правду», «нужно за правду потерпеть», — а иначе: «Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть царствие небесное».

Как изваяно. И стоит 1900 лет... Евангелие бессрочно. А все другое срочно — вот в чем дело».

Итак, это первое в череде представлений о Вольтере. Вообще, вопрос об отношении любого из мыслителей к церкви, шире — к вере принципиален на русской почве. Пара «религия — Вольтер» давно стала предметом обсуждения.

Всегда она интерпретируется как пара антагонистическая.

По этому поводу обычно рассказывается следующий исторический анекдот. Министр Людовика XV пугает Вольтера Бастилей.

— Вам все равно не удастся уничтожить христианскую религию, — замечает министр.

— Посмотрим! — отвечает Вольтер.

Анекдот мало правдоподобен, прежде всего не из-за осторожности философа. Он мало умел быть осторожным — чего стоит история с попыткой контрабанды стихотворных опусов его бывшего покровителя Фридриха.

Просто реальная история всегда менее красива, чем легенда. А образ остроумца, не гнушающегося ни опасностью, ни нарушением любых приличий для еще одного упражнения в остроумии, — вот суждение о философе многих его современников. Пушкин (к его суждениям о Вольтере мы еще вернемся) обронил, будто бы случайно, слово, которое может стать ключевым, — «зависть».

Может, бешеная работоспособность и неукротимая язвительность сатиры, экстравагантность поведения объяснялись именно этим? Впрочем, любивший философа (и этому тоже есть свидетельства) Пушкин писал, что «клевета, преследующая знаменитость, но всегда уничтожающаяся перед лицом истины, для него не исчезала, ибо всегда была правдоподобна».

— Ecrasez l'infâme! — с обязательным официальным эпитетом, почти музыкальной ремаркой «гневно» — возглас, слово Вольтера стало частью мифа.

Так же как Лафарг, назвавший философию вольтеровской, Розанов воспринимал имя «фернейского крикуна» как символ революции, разрушения. Желание «раздавить гадину» распространяется на все поколение просветителей. Век Вольтера становится «веком Вольтера».

Именно его уже не потомки, а именно современники, видевшие мыслителей и куда более радикальных, и куда более глубоких, назвали «Философом».

Имя зачастую замещалось общественной маской — «Философ». Один из его героев поучает другого: «сделайтесь философом. Это ремесло не требует и не приносит богатства... С таким обеспеченным доходом (это, правда, говорится о почти нищенской ренте. — В.Б.) можно говорить все, что думаешь об Ост-Индской компании, парламенте, наших колониях, короле, о существе вообще, о человеке и боге, что весьма занятно».

При всей иронии персонажа —

английского врача, произносящего это — круг вопросов, рекомендованных им для обсуждения, очень напоминает список статей и памфлетов самого Вольтера.

Вольтер рано понял, наверное еще в иезуитском коллеже, что остроумное суждение гораздо более приносит популярности, нежели глубокая, но относительно серьезно высказанная мысль. Слова о том, что хороши все жанры, за исключением скучного, недаром произнесены Вольтером. Ремесло оратора, спектакль одного актера на кафедре, были не для него.

И все же он служил всем музам — прямо или косвенно. Дело в том, что знаменитый француз обладал особым даром — на лету схватить суть, тут же преобразовать ее — парадоксально, быть может, эпатируя этой парадоксальностью слушателя, и — пустить по свету.

Философские повести писали и раньше, но только он придал этому жанру выгоду доступности.

Доступность — вот слово, также важное для рассказа о нем. Лейбниц, чьи взгляды он сперва разделял, а потом подверг саркастическому пересказу, не считал деля доли популярности Вольтера.

Итак, родившись в XVII веке, он дал имя следующему и продолжал волновать людей иного времени, иной эпохи, начавшейся с 1789 года.

Его то проклинали, то возносили. Когда он умер, его тело тайно вывезли из Парижа — ночью, чтобы спустя тринадцать лет положить в Пантеон. Революция им стала гордиться. Язвительный И.В. Семенов заметил по этому поводу, что «Франция никак не могла решить, злодея или героя она имеет в лице Вольтера, и некоторое время носила его с места на место — как собака щенка».

Что-то похожее произошло и в России. Там Вольтер, конечно, не насаждался силком, подобно картошке, однако увлечение им было санкционированным. Переписка императрицы, дух перенем, алхимическая философия, прогулка Калюстро на берега Невы — все это детали одного времени.

В 1764-м Дмитриев-Мамонов печатает свою философскую повесть,

Вольтер глазами Пушкина.

скрываясь под псевдонимом «Дворянин-философ». Повесть эта есть перепев «Микромегаса». Фасон вольтерьянства был так же важен, как покроя панталон.

Фонвизин же говорил, что «вменял себе в стыд не быть одного мнения с Вольтером».

Увлечение, как и любая мода, проходило. Оно еще жило, через всю Европу путешествовали письма, писанные императрицей и знаменитым французом. В предисловии к «Истории Пугачева» Пушкин писал о ней как об исторической странице, «на которой

встречаются имена Екатерины, Румянцева, двух Пашковых, Суворова, Бибикова, Михельсона, Вольтера и Державина».

Но все же это был надлом. Особой вехой восприятия идей Просвещения в России был Пугачевский бунт. После него, когда просвещенное, еще битое дворянство внезапно открыло в народе иное, увидело зверя без узды, многое изменилось.

Спорая работа гильотины придавала творениям Вольтера другую окраску — цвета крови.

Знаменитое «а! океанный вольтерьянец!» графини-бабушки — особый знак, ибо подводит итог общественному увлечению.

Воскликание произнесено уже после Бородина и Кульма.

Действительно, в восприятии Вольтера русскими есть две традиции: одна ведется от Фонвизина, поздних заметок Пушкина и Гоголя; другая же — от Радищева к нигилистам.

На известном портрете Латура Вольтер изображен сорокалетним — это одно из самых известных его изображений, если не считать истукана Гудона. В рукописи Пушкина, на быстрой зарисовке пером, он стар, великолепный высокий лоб морщинист.

Заметка о Вольтере была напечатана Пушкиным в «Современнике» в 1836 году, когда так отчетливы были размышления поэта, больше похожие на странное подведение итогов. Уже тогда Пушкин отмечал, что кроме философа и писателя существует и иной Вольтер, совершенно неизвестный «как человек деловой, капиталист и владеец». Цитируется предисловие французского издателя, где говорится о спекуляциях на соли, рачительном хозяйствовании, о том, что письмо Вольтера к президенту де Боссу «о драке в кабаке напоминает его заступление за семейство Каласа».

Впрочем, внимательный читатель заметит, что публикация писем есть лишь повод для рассуждения поэта об одном из действующих лиц переписки.

Часто цитируется пушкинская фраза о Вольтере как о владыке дум нескольких поколений. Чеканная фраза эта при полном цитировании выглядит иначе: «Наперсник государей, идол Европы, первый писатель своего времени, предводитель умов и современного мнения, Вольтер и в старости не привлекал уважения к своим сединам: лавры, их покрывающие, были обрызганы грязью...»

Он не имел самоуважения и не чувствовал необходимости в уважении людей».

Пушкин говорит о ином Вольтере — не философе-обличителе и не о писателе (хотя касается его слова и остроумия).

Он пишет, помимо прочего, о третьем образе Мари Франсуа Аруэ — человеке, и вот что он пишет под конец:

«Что же из этого заключить? что гений имеет свои слабости, которые утешают посредственность, но печалит благородные сердца, напоминая им о несовершенстве человечества; что настоящее место писателя есть его ученый кабинет и что, наконец, независимость и самоуважение одни могут нас возвысить над мелочами судьбы».